

ИЗУЧЕНИЕ ТАВТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Людмила ПАРАХОНЬКО, аспирант, ассистент,
филологический факультет,

Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

Научный руководитель: Елена СИРОТА, доктор филологии, конференциар,
Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

Abstract: *The given article is devoted to the problem of studying tautology in Russian and foreign linguistics. The role and functions of this linguistic phenomenon in linguistics are analyzed, as well as the question of how to define the boundary between non-observance of codified language and the pragmatic aspect, which emphasizes the intentionality of semantic redundancy, which allows «to do things with words».*

Keywords: *tautology, Russian linguistics, foreign linguistics, pragmatics.*

Термин «тавтология» встречается в работах отечественных языковедов XIX века. Так, Ф.И. Буслаев понимает тавтологию широко, включая в неё не только сочетания однокоренных слов, но и синонимию, основанную на полном совпадении значений, и называет эти явления «тождество» (шутки шутить) и «подобословие» (путь-дороженька). По мысли Ф.И. Буслаева, «тавтология придает речи большую силу и одушевлённость» [3, с. 180]. А.А. Потехня также употребляет термины «тождество, сочетание синонимов, тавтология» [16, с. 442]. Широкое

понимание тавтологии послужило основой для различных толкований обозначенного термина в русистике XX века. А.П. Евгеньева в «Очерке по языку русской устной поэзии» приводит широкое и узкое понимание тавтологии. Согласно первому подходу, тавтология включает в себя однокоренные слова и синонимы; согласно второму – тавтологией являются только однокоренные слова [10, с. 105]. Обе концепции получили свое развитие в дальнейших работах лингвистов и философов, следствием чего стало отсутствие единой дефиниции тавтологии в словарях, а также неоднозначная оценка роли обозначенного явления в тексте.

Так, Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» видит в тавтологии «исчезновение знаков» [6, сс. 59-60], т.к. «тавтология ничего не говорит» [6, с. 132]. Данная концепция оказала влияние на представителей логического направления в лингвистике. К примеру, Ю.Д. Апресян, а вслед за ним и Т.Б. Радбиль описывают тавтологические конструкции как языковую и логическую аномалию [17, с. 259].

Иной взгляд на тавтологию характерен для исследователей стилистики и культуры речи в XX веке. Д.Э. Розенталя и И.Б. Голуб в книге «Секреты стилистики» описывают стилистические функции тавтологии в тексте [19, с. 33-38], тогда как С.Н. Цейтлин в книге «Речевые ошибки и их предупреждение» рассматривает тавтологию как разновидность лексических ошибок учащихся [23, с. 104]. Представители фразеологического направления (А.М. Бушуй, Т.Г. Крапотина, В.М. Мокиенко и др.) выделяют среди тавтологий устойчивые сочетания, описывая их дифференциальные признаки (воспроизводимость, устойчивость, семантическую целостность, постоянный компонентный состав, непроницаемость, образность, редупликацию, гиперболизацию, моделированность, паратакисис) и особенности синтаксических связей [14, с. 8]. Наиболее часто к тавтологическим идиомам относят именные сочетания с дублирующимся корнем. Ср.: зуб за зуб, лицом к лицу и др.

Важно подчеркнуть, что точку зрения Д.Э. Розенталя и И.Б. Голуб разделяет и Е.В. Хворостянова. В статье «Рифменная тавтология: стихообразующий и стилевой аспекты» исследователь описывает стилистически оправданное употребление тавтологии в поэтических целях [22, сс. 1-4].

Солидарной позиции с С.Н. Цейтлин придерживается и исследователь Е.А. Яшина. Она анализирует тавтологию в художественном тексте как средство создания алогизма, «основанного на избыточном семантическом согласовании лексических единиц» [25, с. 101].

Необходимо отметить, что современные лингвисты интерпретируют тавтологию в рамках трех подходов: радикально прагматическом (Grice 1975; Levinson 1983; Ward, Hirschberg 1991), радикально семантическом (Wierzbicka 1987, 1988; 1991) и семантико-прагматическом (Fraser 1988; Escandell-Vidal 1990; Miki 1996; Gimbel 2001 и др.). Сторонники первого подхода утверждают, что значения тавтологических структур выводятся благодаря универсальным прагматическим принципам: чтобы объяснить говорящим максимы количества (не говори меньше, чем следует) или релевантности, актуальности (не отклоняйся от темы). Именно поэтому реципиент коммуникативного акта должен искать в тавтологическом выражении другой, переносный смысл [4, с. 62].

А. Вежбицкая оппонирует им, считая, что значение тавтологий конвенционально и зависит от конкретного языка, кроме этого, могут встречаться противоположные интерпретации. Так, в русском языке выражение «что было, то было» несет импликацию: то, что действительно было и нельзя отрицать [2, с. 445]. Польский эквивалент «co było, to było» означает забыть прошлое, т.к. его нельзя исправить, изменить (Wierzbicka 1987: 102-103) [4, с. 62].

В силу того, что чаще всего анализируются тавтологические конструкции типа «дети есть дети, бизнес есть бизнес» (из-за своей стереотипности), вслед за этой тенденцией, Л.К. Рахманкулова, на материале современного английского языка, в основном, изучала конструкции типа N сор N. Их анализ привел ее к выводу о том, что данные тавтологические репрезентанты «богаты информативным содержанием» [18, с.38]. Подобные типы тавтологий считаются ядерными для английского языка, в связи с этим они подвергаются детальному лингвистическому анализу и получают различные трактовки. Так, Etsuzo Miki предлагает рассматривать тавтологии типа Kids are kids как формы самоидентификации [26, с. 635],

тогда как Johannes Bulhof и Steven Gimbel в статье «A tautology is a tautology (or is it?)» выделяют среди соответствующих конструкций «глубинные тавтологии», общие для большинства языков, а потому переводящиеся без потери смысла (Bulhof, Gimbel 2004: 1003) [13, с. 28]. Со стилистической точки зрения, английские тавтологии типа N cop N признаются синтаксическим средством выразительности [27, с. 80].

Итак, с точки зрения прагматики и синтаксических особенностей подобных тавтологий, Russell Rhodes выделяет следующие их функции в английском языке:

- a. принятие / одобрение: boys will be boys;
- b. отсутствие различий в категории: a win is a win;
- c. приведение яркого (исключительного) примера: men were men;
- d. определённость категории: east is east, and west is west;
- e. обязательство: a promise is a promise;
- f. подчёркивание естества явления (соответствие видимого образа реальности): a phone was (just) a phone [28, сс. 2-3, сс. 14-15].

Когнитивные процессы, лежащие в основе употребления номинальных тавтологий английского языка были затронуты и исследователем О.А. Зайц в диссертационной работе «Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов». Она описывает прагматические особенности употребления явлений избыточности, а также предлагает соответствующее определение тавтологии: «экспликационные сочетания, в которых интенционал экспликандума содержательно равен интенционалу экспликанта» [11, с. 25]. Однако проводить параллели с трактовкой функций тавтологии и её роли в английском языке не всегда представляется адекватным, т.к., по мнению А. Вержбицкой, «универсальных прагматических принципов трактовки тавтологий существовать не может; многие тавтологические выражения английского языка не существуют в других языках, а если и существуют, то имеют иное значение» [29, с. 110]. Понимание тавтологии как лингвоспецифического явления разделяют и некоторые отечественные лингвисты (см. работы Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва, Е.В. Падучевой и др.) [13, с. 29].

Подробно исследованный на материале английского языка тип тавтологии N cop N становится объектом изучения в работах отечественных лингвистов, которые используют при анализе различные подходы и номинации. Так, к примеру, Ю.М. Малинович, Л.М. Ковалева определяют подобные конструкции как квазитавтологические предложения, где «одно и то же имя занимает две позиции – подлежащего лопата 1 и именной части составного сказуемого (предикатива) лопата 2, ср.: Лопата 1 есть лопата 2. Без неё в хозяйстве нельзя» [12, с. 17]. Н.А. Герасименко рассматривает их в качестве разновидности бисубстантивных предложений отождествительного типа [7, с. 186].

Следует отметить, что широкое понимание тавтологии, различные подходы к оценке нормативности/ ненормативности её употребления, прагматические особенности обозначенного явления позволили языковедам описать несколько видов тавтологии. Так, в статье 1959 года «О языке художественной литературы» В.В. Виноградов обозначает приём мнимой тавтологии, «когда к существительному и глаголу, расширившим свои значения, присоединяется в качестве определения слово с той же основой, и это слово как бы возвращает своему определяемому истинный, первоначальный смысл. Например: «Всё оказалось в нём, что нужно для этого мира – и приятность в оборотах и поступках, и бойкость в деловых делах»» [5, с. 241].

Понятие мнимой тавтологии расширяется в статье «О тавтологических ошибках» В.В. Лопатина. Под мнимой тавтологией автор понимает стилистический приём (пошлость пошлого человека); фольклорные сочетания (думу думать); сочетания, в которых иностранное слово утратило первоначальное значение (ср.: монументальный памятник, экспонат выставки, букинистические книги) и др. [15, сс. 18-21].

К.С. Горбачевич в работе «Нормы современного русского литературного языка» так же, как и Лопатин, дифференцирует подлинную и мнимую тавтологию. Под подлинными тавтологическими оборотами исследователь Горбачевич подразумевает такие сочетания, как: моя автобиография, коренной абориген и др. Он считает, что их употребление справедливо порицается лингвистами, т.к. «в данных биномах определение или зависимое слово повторяет признак, ко-

торый уже содержится в главной лексеме. Подобные выражения не соответствуют нормам литературного словоупотребления, поэтому их следует избегать в речевой практике» [9, с. 80].

Однако необходимо отметить, что вышеупомянутая дефиниция характеризует не тавтологию, а другое языковое явление – плеоназм. А это означает, что исследователь не различает данные варианты семантической избыточности.

Другую разновидность спаянности компонентов выражения (например, монументальный памятник) К. С. Горбачевич квалифицирует как мнимая тавтология, которая заключается в смысловой модификации (в расширении значения). Модификация проявляется в частичной замене отдельных семантических признаков, в появлении новых сем или в исчезновении старых. Необходимо отметить, что смысловая модификация неразрывно связана с семантической деривацией: процессом появления у слова нового значения). Следовательно, речь идет о полисемии, которая опричинивается тем, что жизнь лексической единицы не укладывается в жесткие рамки первоначального смысла.

Так, в XIX в. на базе прямого значения прилагательного «монументальный» развилось переносное значение – «поражающий своими размерами, величием, грандиозный». Тогда дескриптор в сочетании с существительным «памятник» не образует тавтологии, а конкретизирует обозначаемое понятие [9, с. 81].

Таким образом, дефинировать и тем самым разграничить подлинную и мнимую тавтологию помогает контекст [9, с. 80]. Из этого следует, что тавтология может быть и своего рода имплицатурой, связывающей явления внешнего мира в коллективном психолингвистическом процессе. Кроме этого, прослеживается контаминация скрытого смысла с рациональностью и экономией речевых средств. Следовательно, данное языковое явление может быть избыточным на смысловом уровне лишь номинально, а это, в свою очередь, означает, что признается его кодифицированность [9, с. 82].

И.Б. Голуб применяет термин «скрытая тавтология» к выражениям типа юный вундеркинд, внутренний интерьер, в которых говорящий не понимает смысл заимствованного слова [8, с. 252].

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае происходит путаница в понятийно-терминологическом аппарате, потому что здесь плеоназм выступает как разновидность тавтологического оборота.

Теперь для более полного освещения проблемы рассмотрим дефиниции тавтологии в лексикографических источниках.

Итак, в энциклопедическом словаре-справочнике «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки, недочеты» под ред. А.П. Сковородникова [24, с. 328] тавтология (от греч. *tautologia*, от *tauto* – то же самое и *logos* – слово) понимается как термин, который применительно к области речевой культуры имеет несколько разных осмыслений. Так, например, В.А. Виноградов, С.Е. Никитина и Н.В. Васильева определяют Т. как «содержательную избыточность высказывания, проявляющуюся в смысловом дублировании целого или его части». Будучи явлением речи, Т. «свидетельствует обычно о недостаточной логической и языковой грамотности говорящего, допускающего Т. неосознанно (не как стилистический прием)», например, «труп мертвого человека», «более теплее». Поэтому данный термин в русской традиции употребляется с пейоративным оттенком.

О.С. Ахманова определяет Т. как «неоправданную избыточность выражения» (самый наилучший, более красивее) [1, с. 467]. Однако стоит заметить, что приведенные иллюстрации, свидетельствуют не о тавтологии, а плеоназме, т.к. плеоназм представляет собой словосочетание, в котором значение одного компонента целиком входит в значение другого [1, с. 315].

Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова расширяют обзор изучаемого лингвистического явления, выводя три его значения:

1. тождество, повторение сказанного другими словами, не вносящее ничего нового (авторские слова – это слова автора);
2. реитерация в предложении однокоренных сцеплений (следует отметить следующие особенности произведения);

3. неоправданная избыточность выражения (Более лучшее предложение; самые высочайшие вершины) [20, с. 315].

Более этого, в энциклопедическом словаре-справочнике актуализируется и другой аспект рассматриваемой полисемии: признается не только ее принадлежность к узусу, но и стилистическая направленность, а значит, – и интенциональность. Тавтология как стилистический прием функционирует через повтор однокоренных слов такого типа: «С добрых мягких пожевывающих губ лошади **капали капли**» (А. Серафимович) [24, с. 329].

В энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ю.Н. Караулова тавтология квалифицируется как тождество, – специальное или непреднамеренное использование слов (или звуков речи), основанное на употреблении однокоренных слов («Дорого вовремя время», С. Маршак), на повторении уже выраженного смысла (лексической редупликации) («А, чай, он всерьез, не в шутку Нас учил, как надо жить», Кобзев), дублировании звуков («Лет до ста расти Нам без старости», Маяковский). Данный вариант семантической погрешности является репрезентантом аллитерации.

Таким образом, тавтология может выступать как способ организации стихотворной речи (аллитерация, тавтологическая рифма и т.д.), и тогда ее употребление оправдано. А может относиться к речевому недочету, абберации, что вызвана незнанием семантики лексемы (например, сумма зарплаты, возобновиться вновь). Кроме этого, данная семантическая сочлененность компонентов выражения способствует повышению выразительности текста, высказывания, поэтому часто используется в фольклоре и функциональных стилях речи (публицистике, разговорной речи, художественной прозе и др.).

Копирование уже выраженного смысла представляет собой более сложный вариант тавтологии. В таких случаях обычно сближаются синонимические конструкции (подобословие): «Молодой жене нашу волюшку, Всю свободушку» (народная песня); «я на речи твои, на приветы твои, – что сказать не сыщу...» (Кольцов).

Тавтологичность некоторых словосочетаний устраняется в результате забвения первоначального смысла одного из слов [21, с. 553].

Таким образом, изучив представленный в лингвистической литературе теоретический материал, посвящённый исследованию тавтологии, мы можем сделать следующие выводы:

- 1) лингвисты XIX века (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня и некоторые др.) внесли серьёзный вклад в исследование явления тавтологии, описав значение повторяющихся конструкций и выделив такие типы тавтологии, как «тождество» и «подобословие»;

- 2) на современном этапе развития языка тавтология трактуется как противоречивое явление, включающее в себя несколько антиномий:

- а) трактовка в узком (повторение однокоренных слов) и широком смысле (повторение однокоренных слов и синонимов);

- б) нормативность – ненормативность употребления;

- в) конвергенция понятий: тавтологии и плеоназма;

- 3) тавтологическая конструкция типа N сор N распространена в различных языковых системах (английский язык, арабский, немецкий, румынский, русский, чешский, японский и др.), в связи с чем вызывает интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей. Однако единая трактовка тавтологии невозможна, так как в различных языках она обладает уникальными семантическими, синтаксическими и прагматическими особенностями.

Итак, употребление и функционирование тавтологии в современном русском языке активно исследуется лингвистами. Вместе с тем, несмотря на многообразие описанного материала, у языковедов до сих пор не наблюдается единства в плане трактовки и классификации тавтологии.

Библиография:

1. АХМАНОВА, О.С. *Словарь лингвистических терминов*, М.: Советская энциклопедия, 1966, 608 с.
2. БУЛЫГИНА, Т. В., ШМЕЛЕВ, А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*, М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с. ISBN 5-88766-051-1.
3. БУСЛАЕВ, Ф.И. *О преподавании отечественного языка*, Л.: Учпедгиз, 1941. 248 с.

4. ВИЛИНБАХОВА, Е. Л. Сопоставительные тавтологии в русском языке. В журнале «Вопросы языкознания», М.: РАН, 2016, N 2, с. 61-74, ISSN 0373-658X.
5. ВИНОГРАДОВ, В.В. *О языке художественной*, М.: Гослитиздат, 1959, 655 с. ISBN 5-7859-0027-0.
6. ВИТГЕНШТЕЙН, Л.С. *Логико-философский трактат*, М.: Гнозис, 1994, 520 с. ISBN 5-7333-0485-6.
7. ГЕРАСИМЕНКО, Н.А. *Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование*, М.: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с. ISBN 978-5-7017-2010-5
8. ГОЛУБ, И.Б. *Русский язык и культура речи: учебное пособие*, М.: Логос, 2002. 432 с. ISBN 5-94010-023-6.
9. ГОРБАЧЕВИЧ, К.С. *Нормы современного русского литературного языка: пособие для учителей*, М.: Просвещение, 1978. 240 с. ISBN: 9785998913396.
10. ЕВГЕНЬЕВА, А.П. *Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XX века*, М.; Л.: Издательство АН СССР, 1963, 348 с.
11. ЗАЙЦ, О.А. *Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов*: дис. канд. филол. наук. СПб., 2001. 185 с.
12. КОВАЛЕВА, Л.М. Влияние семантико-синтаксической позиции слова на его значение. В журнале «Вестник ИГЛУ»: Серия филология. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2012, с. 16-20. ISSN 1997-0730.
13. КОВАЛЕВА, Т.А. *Тавтология и плеоназм в русском языке XXI века: полисистемный аспект*: дисс. ... канд. филол. наук, Владимир, 2017. 256 с.
14. КРАПОТИНА, Т.Г. *Фразеологизация синтаксических связей в устойчивых сочетаниях тавтологического типа*: дис. ... канд. филол. наук, М, 1996. 220 с.
15. ЛОПАТИН, В.В. О тавтологических ошибках. В журнале *РЯШ*. М.: ООО «Наш язык» 1964, № 3, с. 18-21. ISSN: 0131-6141eISSN: 2619-0966.
16. ПОТЕБНЯ, А.А. *Из записок по русской грамматике*: в 4 т. Т. 3. М.: Просвещение, 1968, 552 с.
17. РАДБИЛЬ, Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира. В журнале «Русский язык в научном освещении». М.: Изд-во «Языки славянских культур», 2007, №1 (13), с. 239-266. ISSN: 1681-1062.
18. РАХМАНКУЛОВА, Л.К. Семантические аспекты тавтологических тождеств. В журнале «Семантика слова и предложения». Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1985а, с. 132-139.
19. РОЗЕНТАЛЬ, Д.Э., ГОЛУБ, И.Б. *Секреты стилистики*, М.: Айрис-пресс, 2003, 208 с. ISBN: 5-8112-0312-8.
20. РОЗЕНТАЛЬ, Д.Э., ТЕЛЕНКОВА, М.А. *Словарь лингвистических терминов* [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. М.: Оникс, 2008, 624 с. ISBN: 978-5-488-01620-0 / 9785488016200.
21. *Русский язык. Энциклопедия*. [Текст] / Под ред. Ю. Н. Караулова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997, 703 с., 16 с. вкл. ISBN: 5-7107-1455-0.
22. ХВОРОСТЬЯНОВА, Е. В. *Рифменная тавтология: стихообразующий и стилевой аспекты* [Электронный ресурс] / Е.В. Холобаева. Режим доступа: http://www.folk.ru/Research/hvorostyanova_tavtologia.php, [дата обращения – 23.06.2019].
23. ЦЕЙТЛИН, С.Н. *Речевые ошибки и их предупреждение*, М.: Просвещение, 1982, 128 с.
24. *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты* / под ред. А.П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип, М.: Флинта, 2011, 480 с. ISBN 978-5-89349-502-7.
25. ЯШИНА, Е.А. *Языковые средства создания алогизма в художественном тексте* [Текст] / Е.А. Яшина // Филологические науки. М., 2009, №4, с. 97-105.
26. MIKI, E. Evocation and tautologies. In: *Journal of Pragmatics*, 1996, Vol. 25, pp. 635-648. SSDI 0378-2166(94)00105-7.
27. MIKOV, G. *Linguistic stylistics*, Nitra: Filozoficki fakulta UKF, 2003, 127 p. ISBN 80-8050-595-0.
28. RHODES, R. *Cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English* [Электронный ресурс] / Rhodes Russell // 2009. Режим доступа: www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf, [дата обращения – 15. 05 2019].
29. WIERZBICKA, A. Boys will be boys: «Radical semantic» vs. «Radical pragmatics». In: *Language*, 1987, №1, pp. 95-114.